

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА И УКРОЩЕНИЕ КONTИНГЕНТНОСТИ*

И. М. Локшин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101100, Москва, Кривоколенный пер., 3

В статье предпринимается попытка вписать политическую науку (в ее позитивистском изводе) в более широкий эпистемологический контекст. Этот контекст связывается с характеристикой человеческого мира, указанной еще Аристотелем: преобладание частных над общим и изменчивость, не поддающаяся фиксации в универсальных принципах или законах. В условиях контингентности человеческого мира одной из ключевых задач оказывается нахождение надежной точки опоры для мышления и действия. Политическая наука рассматривается как одна из трех стратегий борьбы с контингентностью — наряду с политическим творчеством и *политической virtù* («доблести» или «добродетели»). Политическая наука имеет целью выделение инвариантов (регулярностей и закономерностей), которые служили бы основанием для прогностической функции; политическое творчество может быть направлено как на прямое упорядочение человеческого мира (введение в него искусственных инвариантов), так и на создание условий для более однозначной связи причин и следствий (например, посредством превращения открытых контекстов в более закрытые); наконец, политическая *virtù* связана со снижением зависимости от инвариантов и может принимать разные формы: от собственно макиавеллиевской *virtù* до «антихрупкости». Адекватность той или иной стратегии борьбы с контингентностью зависит в числе прочего от степени сложности процессов, с которыми имеет дело человек или общество; эти процессы, в свою очередь, подразделяются на элементарные, простые, сложные и хаотические. Помимо описания этих стратегий и классификации процессов разных уровней сложности, статья указывает на отсутствие четких границ между обозначенными стратегиями, а вместе с тем на зыбкость и условность различий (в человеческом мире, с которым имеет дело политическая наука) между знанием и действием, с одной стороны, и научным знанием и прагматически мотивированной эвристикой — с другой.

Ключевые слова: политическая наука, контингентность, *virtù*, эпистемология социальных наук, эвристика.

I. Введение. Современная политическая наука — это дисциплина, пользующаяся уважением у других наук. Как и почти во всех иных случаях, превращение политической науки в уважаемую дисциплину было процессом отпадения от исходного единства, от союза с другими способами мышления и вопрошания о предмете исследования. Такие процессы сами по себе являются политическими: мы наблюдаем здесь своего рода эпистемологическую политику, история которой есть история конфликтов, репрессий, возведения

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

великих дисциплинарных стен, «колонизации» новых методов. Во многих случаях «научные войны»¹ оканчиваются благополучно: либо установлением мира (как в случае отделения натурфилософии, которой суждено будет стать современным естествознанием, от философии), либо решительной победой одной из сторон (как в случае химии и алхимии). Но в случае политической науки не все так однозначно: здесь до сих пор не только продолжается *Methodenstreit* («спор о методах») (Mahoney, Goertz, 2006; Rethinking Social Inquiry..., 2010; Green, Shapiro, 1994) в рамках в общем и целом позитивистского проекта, но и слышны отголоски еще более давнего разделения между позитивистским проектом политической науки как таковым и гуманитарным модусом мышления о политике. На демаркационной линии между двумя версиями политического знания сегодня не ведется ожесточенных сражений, но это скорее тишина перемирия, а не мира. У каждой стороны есть свои аргументы, которые в любой момент могут быть пущены в ход. Одни, например Аллан Блум, рассматривают современную политическую науку как курьезный результат забвения больших вопросов о предельных целях, добре и зле — вопросов, которые составляют основную повестку политической философии (Bloom, 1987, p. 363–366). В недалеком прошлом предлагались аргументы в пользу того, что политическую теорию не следует преподавать студентам, получающим основное образование в области политической науки (Rehfeld, 2010). Общая картина усложняется, если вспомнить, что объяснение или понимание политики не должны замыкаться в кругу теоретического знания — они должны быть открыты политической практике и направлять политическое действие. Но зазор между мыслью и действием, между репрезентацией мира в теориях и тем, как он существует в реальности, ставит проблемы не менее острые, чем обозначенный выше раскол в модусах мышления о политике. Качество политической экспертизы и способность приходить к верным умозаключениям о текущих процессах неоднозначно связаны со знанием теорий или обладанием аналитическим инструментарием (Tetlock, 2005).

Однако всякая картина раздробленности порождает ностальгию о первоначальном единстве. В настоящей статье будет сделана попытка посмотреть на один из ключевых, исходных вопросов политики с ракурса, в котором разные модусы мышления о ней предстают в несколько новом свете: как обогащающие друг друга разновидности человеческого опыта, а не создающие дисциплинарные ниши, отгороженные друг от друга.

Быть может, наиболее ясную, общую и убедительную характеристику предмету политики дал Аристотель, связав ее с достижением человеческого блага (Aristotle, 2011, p. 2) и добродетелью рассудительности (φρόνησις) (Aristotle,

¹ Здесь это словосочетание употребляется не в том же смысле, что англоязычный термин *science wars*, поскольку последний касается в основном вопроса о том, формирует ли наука достаточно изолированный от остальной культуры эпистемологический комплекс для успешного преследования ценностью нейтральной истины или нет. Этот вопрос слабо связан с проблемами, обсуждаемыми в настоящей статье.

2011, р. 123)². «Рассудительность же касается тех вещей, которые могут быть иными, чем они есть» (Aristotle, 2011, р. 122), и «скорее частных и конкретных предметов, чем общего» (Aristotle, 2011, р. 124). Этот акцент рассудительности на частностях явно связывается Аристотелем с тем, что она относится к действию и поступку (πρᾶξις), которые живут в стихии частного и конкретного, а не общего (Aristotle, 2011, р. 124). Это же качество рассудительности и политического искусства ограничивает цели самого Аристотеля в «Никомаховой этике», поскольку в ней — теоретическом трактате — он может дать лишь грубый набросок предмета обсуждения, тогда как для настоящей точности требуется иметь дело с частностями и конкретными обстоятельствами (а также жизненный опыт, для того чтобы выносить относительно них верные суждения) (Aristotle, 2011, р. 3–4). И все же исследование общих принципов, относящихся к политическому искусству, важно и полезно хотя бы потому, что оно может задать верные ориентиры для устройства как индивидуальной жизни, так и жизни полиса. В «Политике» же степень детализации рекомендаций подчас весьма велика, но рассудительность необходима по меньшей мере для того, чтобы верно распознавать специфику ситуации и уместно применять те или иные рекомендации.

Таким образом, политическое «искусство» для Аристотеля связано как со знанием общих принципов, так и с упражнением рассудительности, касающейся частных, причем вторая никак не менее важна, чем первое. Политика имеет дело с человеческим миром в его тотальности (поскольку она стремится к высшему благу и является архитектурным искусством (Aristotle, 2011, р. 2), а человеческий мир изменчив и текуч, так что даже добрые и хорошие вещи (τὰγαθὰ) могут быть пагубны (Aristotle, 2018)³. Не природа устраивает этот мир, но закон и обычай (νόμος) (Aristotle, 2018) — основание менее надежное, чем природа, и вызывающее к жизни само искусство политики.

Итак, по Аристотелю, изменчивость и текучесть человеческого мира⁴, невозможность полностью свести знание о нем к общим принципам и есть тот вызов, который порождает потребность в развитии особых способов мышления и действия, если только люди желают хотя бы частично контролировать свою судьбу. С этой точки зрения фундаментальная проблема политики — контингентность человеческого мира, а политическое искусство и политическая наука должны предоставлять средства успешной ориентации в контингентном мире.

II. Стратегии укрощения контингентности. Контингентности, случайности, изменчивости противостоит предсказуемость. В связи с этим об укрощении контингентности можно думать и как о повышении предсказуемости чело-

² Во фрагменте, который имеется в виду, политическое «искусство» (слово взято в кавычки, потому что Аристотель не использует существительное, уточняющее прилагательное πολιτική) фактически приравнено к рассудительности: «Политическое искусство или рассудительность» (τὴν πολιτικὴν ἢ τὴν φρόνησιν) (Aristotle, 2018).

³ См. также фрагмент, где речь идет о разрушительной силе непредсказуемого случая или судьбы — τύχη.

⁴ Под человеческим миром здесь и далее подразумевается не только мир, в котором замкнута индивидуальная жизнь человека, но и социальный мир.

веческого мира. Предсказуемость, в свою очередь, более всего выражается в инвариантах — каких-либо устойчивых структурах, частично конституирующих человеческий мир, которые и оказываются надежной опорой для действия и принятия решений.

Можно выделить по меньшей мере три стратегии укрощения контингентности:

- а) прояснение, выделение инвариантов, «стихийно» складывающихся в человеческом мире;
- б) «искусственное» создание инвариантов, регулирующих человеческий мир;
- в) поиск стратегий и моделей поведения, позволяющих достигать приемлемых исходов в отсутствие инвариантов (т. е. в контингентном мире).

Первый из этих путей ближе всего к идее социальной науки; второй отражает путь политического творчества, связанного с созданием социальных институтов; третий путь связан с приобретением особенных качеств (обществом или человеком), которые особенно трудно закрепить в форме закономерностей (продукт политической науки) или институтов (продукт политического творчества). Чтобы завершить триаду, назовем этот третий путь укрощения контингентности *политической virtù*⁵, имея в виду один из ключевых терминов Никколо Макиавелли, к которому мы еще вернемся.

Подробнее скажем о каждом из этих путей укрощения контингентности.

А. Политическая наука и выявление инвариантов. Политическая наука — по крайней мере, в ее позитивистском изводе — нацелена на получение такого знания о политическом мире, которое могло бы быть основанием для успешного прогноза. Однако для прогнозирования будущего должны быть какие-то основания, и нам неоткуда их почерпнуть, кроме как из прошлого и настоящего⁶. Одни методы проекции знания о прошлом в будущее намного сложнее, чем другие; простейшим, но редко действенным методом является экстраполяция. Более изощренный, но все же еще достаточно простой метод состоит в нахождении инвариантов, сохраняющихся при переходе из прошлого в будущее, даже если меняется общая каузальная конфигурация, в которую встроены инварианты. Закономерности, призванные описать зависимость одной переменной от другой, подпадают под это описание.

Джон Стюарт Милль, интенсивно размышлявший над самой возможностью социальных наук, видел их эпистемологические основания в выделении

⁵ В контексте произведений Макиавелли *virtù* часто переводится как «добродетель» или даже «доблесть», но эти переводы имеют недостатки, поскольку *virtù* включает в себя и жизненную энергию, которую можно противопоставить ударам судьбы, и способность виртуозно приспосабливаться к изменчивым обстоятельствам, извлекая из них выгоду. Об этом см., напр.: (Price, 1973).

⁶ Некоторые теоретические модели, лежащие, как может показаться, вне времени и потому не связанные напрямую ни с прошлым, ни с настоящим, все же включают в себя по крайней мере общие интуиции о мире, сформированные на основании истории взаимодействия исследователя с человеческим или хотя бы физическим миром.

сил (если они единичны, то мы имеем дело, в терминологии Милля, с «механическими феноменами», если они являются составными и не разложимыми на части — то с «химическими феноменами» (Mill, 1974a, p. 370–371)), всегда имеющих «полный эффект» на объект воздействия, т. е. такой эффект, который никогда не изменяется (не уменьшается и не увеличивается) под влиянием других сил (Mill, 1974a, p. 370–371). Именно это дает возможность использовать двойной метод анализа и синтеза (Mill, 1974b, p. 336): сначала «расщеплять» каузальную структуру явления на отдельные элементы (силы, всегда сохраняющие полный эффект), а затем — при необходимости — вновь «складывать» их в разные конфигурации — в зависимости от того, какие из сил участвуют в порождении исследуемого явления. Означенный выше «полный эффект» и есть тот инвариант, который может быть надежно перенесен из одной ситуации (например, из ситуации эксперимента) в другую. Стадия анализа в указанном ранее «методе анализа и синтеза» важна потому, что позволяет наблюдать полный эффект исследуемой силы без вмешательства прочих сил; иными словами, здесь должен быть виден ее не только «полный», но и «чистый» эффект.

Милль отчетливо сформулировал проблему метода, который должен успешно выявлять инварианты в устройстве человеческого и социального мира. Эксперименты, построенные на идее изоляции связи между причиной и предполагаемым эффектом, соответствуют эпистемологической стратегии, обрисованной Миллем (хотя точнее было бы сказать наоборот: рассуждения Милля, как и его знаменитые «каноны», были сформулированы под влиянием раздумий над методами естественных наук; но главенствующая в них эпистемологическая стратегия, получившая наименование «галилеевой идеализации» (McMullin, 1985), в самом деле весьма близка «двойному методу анализа и синтеза»).

В рамках политической науки вопрос о методе является очевидным и глубоко разработанным. Нам необходимо лишь показать, как тесно этот вопрос связан с задачей нахождения инвариантов — по крайней мере, в авторитетной и до сих пор заслуживающей большое внимание версии Д. С. Милля (Hausman, 1996, p. 123–151). Однако есть еще как минимум два аспекта, также связанные с выделением инвариантов и обсуждаемые в политической науке гораздо меньше, чем вопрос о методах: 1) проблема языка и понятийного аппарата; 2) проблема «метаметодологии» (т. е. подбора методов, адекватных степени сложности изучаемого явления).

Язык и понятийный аппарат науки может в разной степени выделять инварианты. Хотя различия чрезвычайно важны для поиска закономерностей (различия позволяют разбить пространство исследуемых явлений на внутренне более однородные подпространства), именно прояснение категорий, позволяющих обсуждать разные явления с единой точки зрения, часто оказывается критерием научного прогресса.

О важности языка, удачно высвечивающего инварианты, лучше всего писал, пожалуй, Анри Пуанкаре. В известном фрагменте из «Науки и метода» он называет математику «искусством давать одно и то же имя разным вещам» (Poincarè, 1908, p. 29). Чуть далее он указывает: «Когда язык хорошо подобран, с удивле-

нием замечаешь, что все доказательства, выведенные для одного известного объекта, оказываются немедленно приложимы ко множеству новых объектов» (Poincarè, 1908, p. 29). Значимость открытий Ньютона для его современников заключалась прежде всего в том, что он нашел (математический) язык и перспективу, столь отчетливо высвечивающие инварианты, что механика земного мира оказалась объединена с механикой небесной.

Разумеется, и в политической науке не так трудно найти случаи языка, ориентированного на инварианты: это и понятие института в трактовке Д. Норта, одинаково приложимое как к законам, так и к обыденным неформальным практикам (North, 1990, p. 3–10), и концепция селектората Б. Буэно де Мескиты, на одном языке описывающая очень разные политические режимы (Buéno de Mesquita et al., 2003, p. 37–76), и идея игры из теории игр, позволяющая применять единую оптику к разнообразнейшим случаям взаимодействия двух и более агентов. Тем не менее в политической науке язык часто оказывался и оказывается слишком тесно связан с политической злободневностью и политическими проблемами, а не с научными: пресловутое различие между авторитарными режимами и демократией легко отнести к этой категории, и попытки выйти за пределы данной оппозиции могли бы существенно расширить пространство для сравнительного анализа.

Однако убедительность подобных аргументов может уравниваться указанием на то, что социальные науки имеют дело с очень сложно устроенным миром, в котором слишком мало инвариантов. В этой логике естественные науки добились большего просто потому, что изучаемый ими мир сам по себе предоставляет гораздо больше оснований если не для понимания, то для объяснения: «Господь дал физике легкие проблемы» (Bernstein et al., 2000, p. 43). И хотя вряд ли можно отрицать то, что социальный и вообще человеческий мир менее податлив для объяснения, чем мир естественных наук, все же и сложность последнего не следует преуменьшать.

В мире, изучаемом естественными науками, легко обнаружить явления, плохо поддающиеся научному анализу и прогнозу. Например, сейсмология, хотя и должна быть отнесена к естественным наукам, не добилась больших успехов в том, что считалось ее основной миссией, — предсказании землетрясений (Kagan, 1997); более того, есть серьезные основания полагать, что осуществлять такие предсказания на систематической основе и вовсе невозможно (Geller et al., 1997). Как отмечал Отто Нойрат, «в некоторых случаях физик еще худший пророк, чем психолог-бихевиорист: например, тогда, когда он должен указать, в какую точку площади Святого Стефана приземлится стодолларовая купюра, уносимая ветром» (цит. по: Cartwright, 1999, p. 27). Ему вторит лауреат Нобелевской премии по экономике Трюгве Ховельмо: «Физикам легко. Никто не просит физика предсказать направление схода снежной лавины, но от нас, экономистов, все время ожидают предсказаний о направлении развития экономики» (цит. по: Cartwright, 2016, p. 335).

Эти анекдотические свидетельства указывают на то, что аргументы о более предсказуемом мире естественных наук не вполне обоснованы. Дело еще и в том, что естественные науки отбирают для изучения более легкие проблемы. Вероят-

но, социальные науки не вполне могут позволить себе ровно такой же метод, потому что легкие проблемы гораздо менее интересны, чем сложные, а перенос выводов с легко изучаемых ситуаций на сложные не всегда возможен. Тем не менее отсюда все можно попытаться извлечь урок — урок адаптации к степени сложности проблем, требующих изучения. На практике это означает выход на уровень «метаметодологии», на котором предметом изучения или, по крайней мере, внимания является сама адекватность метода применительно к данной проблеме.

Для иллюстрации потенциальной значимости этого тезиса можно воспользоваться классификацией видов сложности, предложенной С. Вольфрамом (Wolfram, 1984), но упростить и адаптировать ее для наших целей. Тогда можно выделить следующие типы сложности (одновременно определяющие потенциал предсказуемости) (табл.).

Таблица. Типы процессов с точки зрения уровня их сложности

Тип процесса по критерию сложности	Потенциал предсказуемости процесса, которому свойствен данный тип сложности
Элементарный процесс	Состояние процесса/системы в следующий момент идентично состоянию в предыдущий момент; контекст незначим
Простой процесс	Состояние процесса предсказуемо исходя из знания закрытого (и стабильного) локального контекста
Сложный процесс	Состояние процесса частично или в значительной мере предсказуемо исходя из знания открытого локального контекста*
Хаотический процесс	Процесс непредсказуем

* Процесс детерминирован локальным контекстом, который, однако, сам изменяется под влиянием внешних по отношению к нему факторов.

В терминах данной классификации элементарные процессы могут быть рассмотрены при помощи инструментов экстраполяции, простые — при помощи базовых видов экспериментального дизайна, для сложных процессов требуются модели, симулирующие реальные процессы, хаотические процессы⁷ недоступны для предсказания. В сущности, эта классификация процессов может считаться классификацией видов контингентности — от «вырожденной» контингентности элементарных процессов до «чистой» контингентности процессов хаотических.

Один из эвристических приемов науки заключается в том, чтобы перевести проблему на более низкий уровень сложности. Если это не удастся сделать в пределах самой науки, иногда это оказывается возможным за ее пределами — не на уровне мышления о мире, а на уровне действия в нем, на уровне политического творчества.

⁷ Многие хаотические процессы гиперчувствительны к начальным условиям; именно такую гиперчувствительность описывает знаменитый «эффект бабочки» (Lorenz, 1995).

Б. Политическое творчество и создание инвариантов. Политическое творчество как создание «регулярностей» внутри социальной жизни может быть рассмотрено по меньшей мере с двух точек зрения, связанных с приведенной выше классификацией процессов. С одной стороны, оно может понижать степень сложности социальных процессов, делая их более предсказуемыми просто через задание новых стимулов и принципов поведения или взаимодействия людей; с другой — оно может быть направлено на поддержание этой предсказуемости и устойчивости, в частности посредством создания достаточно закрытой среды протекания социальных процессов (превращения открытого локального контекста в закрытый).

Первое направление политического творчества довольно точно описывается понятием социального института как оно введено у Д. Норта: «Институты сокращают неопределенность, придавая структуру повседневной жизни» (North, 1990, p. 3). Разумеется, речь может идти и не о повседневной жизни, но от этого не меняется суть общего тезиса.

Однако способность политического творчества организовывать общественную жизнь и делать ее более предсказуемой ограничена хотя бы тем, что вводимые им инварианты оказываются встроенными в уже существующие контексты и могут менять свой смысл в зависимости от того, как они взаимодействуют с элементами этого широкого контекста и какое влияние оказывают на них постоянно меняющиеся обстоятельства. Во многом именно зазор между исходными функциями институтов и их реальными эффектами внутри конкретных контекстов лежит в основании проблемы «трансплантации институтов» — политических, экономических и др.

Важной предпосылкой эффективного политического творчества является создание достаточно закрытой среды, которая позволяла бы создавать сильную корреляцию между причиной и следствием — без размытия последнего внешними силами. Философ науки Нэнси Кэртрайт отмечает: «[Физики] не пытаются напрямую приложить к миру вне лаборатории те результаты, которые они получили в лаборатории. Скорее, они выносят во “внешний мир” всю лабораторию в миниатюре. Они конструируют небольшую ограниченную среду, находящуюся под их полным контролем. Затем они “укутывают” ее в очень плотные оболочки, так что ничто не может потревожить порядок внутри этой среды; и именно эти капсулы наука помещает в “большой мир”, чтобы получить [внутри них] те замечательные эффекты, которые столь впечатляют нас» (Cartwright, 1999, p. 46–47).

Такое искусственное конструирование закрытых сред для усиления связи между причиной и следствием — еще одна перспектива, возникающая по поводу ранее высказанного тезиса о том, что и в физике есть «сложные проблемы», однако физики выбирают проблемы более легкие. Альтернативная стратегия — понижать степень сложности проблемы посредством контроля над средой, внутри которой действует причинная связь.

Проявления такого симбиоза познания и действия без большого труда могут быть найдены и в отношениях между политической наукой и политическим творчеством. Во-первых, наибольшего успеха в смысле предсказательной

способности политическая наука достигла в исследовании избирательных систем и их эффектов — там установлены эмпирические закономерности, с большим правом претендующие на универсальность и глубокое теоретическое обоснование (Gorfman, 2007; Taagerpera, 2018). Во-вторых, одна из наиболее «научообразных» (в смысле соответствия позитивистскому проекту науки) областей политической науки, а именно коллективный выбор (*public choice*), в значительной степени развилась на базе анализа легислатур (Diermeier, 2010) и связанных с этим проблем вроде лоббизма и контроля над бюрократическими структурами (Gehlbach, 2013). Эти сферы примечательны тем, что они очень насыщены (по сравнению с большинством других областей, которые интересуют политическую науку) «правилами игры», а в случае легислатур и отношений между ветвями власти можно указать еще и на небольшую степень открытости этих сред «внешнему миру»: ограниченное число «искусственных» закономерностей, установленных институтами, здесь намного важнее (или, во всяком случае, в гораздо большей степени является предметом анализа), чем бесчисленное количество факторов, способных влиять на функционирование этих структур и организаций извне. Именно здесь мы наиболее приближаемся к отмеченному Нэнси Картрайт соответствию между «замкнутым» миром «настоящей» лаборатории и ее версией, помещенной в «реальный мир».

Эта же идея «закрытого» контекста с легкостью обнаруживается в политической философии, имеющей дело с установлением долговечного политического порядка: достаточно вспомнить изолированные «утопические» проекты: платоновское «Государство»⁸, «Утопию» Мора или «Новую Атлантиду» Френсиса Бэкона.

Однако искусственно созданные инварианты по определению не возникают сами собой — их нужно создать, зачастую действуя внутри очень изменчивого контекста. В этой точке открывается третья стратегия укрощения контингентности, очень условно названная нами *политической virtù*.

В. Политическая *virtù* и устойчивость к отсутствию инвариантов. Понятие *virtù*, как уже было сказано ранее, употребляется здесь в связи с той его ролью, которую оно играло в творчестве Никколо Макиавелли: и в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», и в «Государе» *virtù* есть то, что противостоит разрушительности времени и случая (фортуны — итал. *fortuna*). В «Государе» *virtù* едва ли поддается однозначному определению: она родственна и способности подстраиваться под конкретные обстоятельства — под изменчивость самой фортуны⁹, и витальной, звериной энергии¹⁰, позволяющей *создавать* благоприятные события, а не просто удачно отвечать на вызовы фортуны.

⁸ Хотя идеальный город Платона не изолирован географически, он изолирован от внешнего мира институционально.

⁹ См., напр., гл. 25 «Государя» (Machiavelli, 2018).

¹⁰ При описании Чезаре Борджа Макиавелли в гл. 7 говорит о нем: «И было в князе столько свирепости (*ferocia*) и доблести (*virtù*)...» (Machiavelli, 2018).

Схожие проблемы укрощения контингентности пронизывают творчество младшего современника Макиавелли — Франческо Гвиччардини, для которого *virtù* играла примерно ту же роль, но имела все же иное наполнение: «*Il Principe* и *Ricordi* (указываются сочинения Макиавелли и Гвиччардини соответственно. — И. Л.) изображают индивида в мире, находящимся за пределами гражданского состояния (*post-civic world*); но индивид у Макиавелли — это правитель, стремящийся придать форму событиям посредством *virtù* в смысле дерзости и отваги, патриций же у Гвиччардини пытается адаптироваться к событиям через рассудительность (*prudence*)» (Росock, 2003, р. 269).

Акцент Гвиччардини на способности приспосабливаться к требованиям ситуации, к «капризам» фортуны несомненен: «Кто мог бы изменять свою природу согласно обстоятельствам времени — дело трудное и почти невозможное, — над тем едва ли властвовала бы судьба (*fortuna*)» (Guicciardini, 1974, р. 737). Однако, замечает Гвиччардини, для этого недостаточно одной природной рассудительности (*prudenza naturale*) — она должна быть дополнена опытом (Guicciardini, 1974, р. 730). В этом сочетании природного дарования и опытности можно узнать аристотелевскую рассудительность (*φρόνησις*), которая предполагает не только развитость ума, но и знакомство с частностями, приобретаемое за счет жизненного опыта.

Сила характера, помогающая преодолевать удары судьбы (превалирующий смысл понятия *virtù* у Макиавелли), природное дарование, позволяющее верно оценивать частные ситуации (*prudenza naturale* Гвиччардини), пронизанная жизненным опытом рассудительность Аристотеля — все это качества, снижающие издержки от взаимодействия с подвижным и неопределенным миром, лишенным инвариантов. Они также, пожалуй, очень плохо формализуемы или сводимы к инструкциям и рецептам — как потому, что имеют дело с частностями, а не с общим, так и потому, что в основании способности верно ориентироваться в изменчивом мире могут лежать навыки и умения, выходящие за пределы чисто инструментально понятой рациональности. Такая способность имеет, как представляется, много общего с «невным знанием» (*tacit knowing*) (Polanyi, 2009).

Если указанные качества позволяют достигать оптимума в ограничениях, диктуемых самой ситуацией, то иная стратегия поведения в лишенном инвариантов мире связана с минимизацией издержек от плохо предсказуемых событий. Это стратегия «упругости», или «устойчивости» (англ. *resilience* и *robustness*), к которой все мы прибегаем, например, в естественной для нас эвристике (Wimsatt, 2007; Gigerenzer, Brighton, 2009). К отдельной категории можно отнести стратегию «антихрупкости» (*antifragility*), которую популяризовал Нассим Талеб: антихрупкость подразумевает не просто устойчивость к шокам, но способность извлекать из них выгоду (Taleb, 2014). Для антихрупких систем сама контингентность является благоприятной средой. «Упругость», «устойчивость» и «антихрупкость», как и рассудительность, и собственно макиавеллиевская *virtù* в хаотических средах оказываются полезнее, чем научные модели, имеющие своей целью выделить инварианты и тем самым заполучить надежную опору для действия.

III. Заключение. Вышеприведенные рассуждения имеют, как представляется, две импликации, не лишённые интереса. Обе они связаны с более общим взглядом на политическую науку, чем тот, который наиболее привычен для академического сообщества.

Первая импликация связана с определённым противоречием в самой идее политической науки, если не вписывать её в более широкий контекст. Политическая наука в том её изводе, который явно принимает за точку отсчёта современную концепцию науки, возникла в XIX в., но в те времена её ценностные приверженности скрывались намного меньше, чем сейчас, — она была достаточно тесно связана с проблематикой либерализма и с задачей научного прояснения условий свободного общества (Adcock, 2014). Нет сомнений, что и сегодня подобные вопросы во многом задают повестку политических исследований¹¹. Свобода для политической науки такая же смыслообразующая ценность, какой она была и остаётся для значительной части политической философии. Однако все это касается не всего словосочетания «политическая наука», а только первого его слова. Наука же, как мы попытались показать выше, зачастую предполагает создание закрытого контекста — просто для того, чтобы сделать предмет изучения по-настоящему пригодным для изучения. В строго научной логике «идеальными обществами» будут те, которые являются наиболее изолированными от внешнего мира и, может быть, насыщенными институтами внутри. Но такой образ общества едва ли совместим с идеалом свободы. В этом смысле сама идея политической науки содержит внутреннее напряжение — *между ориентацией политического на свободу и ориентацией науки на познаваемость*. Это напряжение едва ли можно вполне преодолеть, если мыслить о политической науке как о единственно доступной стратегии борьбы с контингентностью. Если же политическая наука является только одним из инструментов укрощения контингентности, одним из средств успешной ориентации в подвижном и изменчивом мире — если, таким образом, притязания науки ограничены определёнными контекстами, вне которых логика науки должна уступить место иным средствам ориентации в мире, — то указанное выше напряжение перестаёт быть непреодолимым.

Вторая импликация развивает только что указанную мысль. Если процессы и среды разных уровней сложности предполагают разные средства ориентации в них, наука оказывается лишь одним из таких средств, и рубежи между ней и политическим творчеством или политической *virtù*, между знанием закономерностей и «всего лишь» эвристическим принципом (помогающим удачно выбирать действия, но не претендующим на безошибочность) размываются. Этот тезис не принижает достоинств политической науки, но указывает на искусственность непроницаемых границ между разными способами мышления и действия в политике. Наконец, даже в самой политической науке уже вполне могут заключаться элементы политического творчества и эвристических инструментов ориентации в изменчивом мире: тексты обычно нацелены на убеждение и через него — на

¹¹ Достаточно указать на проблематику (либеральной) демократии и демократизации.

изменение действий или паттернов поведения читателей¹², а научные модели могут описывать не реальный, а лишь правдоподобный (*credible*) мир, так что их выводы несут скорее не буквальный, а эвристический смысл (Sugden, 2008; Gilboa et al., 2014).

В предложенной перспективе размываются жесткие границы между знанием и действием с одной стороны и «научным знанием» и прагматически мотивированной эвристикой — с другой: действие помогает познанию, знание становится опорой для действия; объяснительные модели, нацеленные на выявление закономерностей, сами по себе оказываются эвристикой, облегчающей ориентацию в контингентном мире. И хотя политическая наука с точки зрения своих средств остается ориентированной на идеал естественных наук, с точки зрения своих целей она сближается с гуманитарной традицией и видится одной из наук, имеющих в своем фокусе саму человечность в ее столкновении с внешним миром и изменчивостью фортуны.

Локшин Илья Михайлович — канд. полит. наук; ilokshin@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 1 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: Локшин И. М. Политическая наука и укрощение контингентности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 1. С. 45–58. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.104>

Литература/References

- Adcock R. *Liberalism and the Emergence of American Political Science: A Transatlantic Tale*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 312 p.
- Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Chicago, London, Chicago University Press, 2011. 363 p.
- Aristotle. *Nicomachean Ethics. Greek Text*. Available at: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Aristot.+Nic.+Eth.+1094a&fromdoc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0053> (accessed: 25.11.2018).
- Bernstein S., Lebow R., Stein J., Weber S. God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World. *European Journal of International Relations*, 2000, vol. 6, no. 1, pp. 43–76.
- Bloom A. *The Closing of the American Mind*. New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Simon & Schuster Inc., 1987. 382 p.
- Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. *The Logic of Political Survival*. Cambridge, London, The MIT Press, 2003. 550 p.
- Cartwright N. Scientific Models versus Social Reality. *Building Research & Information*, 2016, vol. 44, no. 3, pp. 334–337.
- Cartwright N. *The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo, Cambridge University Press, 1999. 257 p.
- Diermeier D. Formal Models of Legislatures. *The Oxford Handbook of Legislative Studies*. Eds S. Martin, T. Saalfeld, K.W. Strøm. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 29–56.
- Gehlbach S. *Formal Models of Domestic Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 248 p.

¹² Научные тексты не лишены риторического измерения. См., напр.: (McCloskey, 1998).

- Geller R., Jackson D., Kagan Y., Mulargia F. Earthquakes Cannot be Predicted. *Science*, 1997, vol. 275, no. 5306, pp. 1616–1617.
- Gigerenzer G., Brighton H. Homo Heuristicus: Why Biased Minds Better Inferences. *Topics in Cognitive Science*, 2009, vol. 1, no. 1, pp. 107–143.
- Gilboa I., Postlewaite A., Samuelson L., Schmeidler D. Economic Models as Analogies. *The Economic Journal*, 2014, vol. 124, no. 578, pp. 513–533.
- Green D., Shapiro I. *Pathology of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science*. New Haven, London, Yale University Press, 1994. 253 p.
- Grofman B. Toward a Science of Politics? *European Political Science*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 143–155;
- Guicciardini F. Ricordi. *Guicciardini F. Opere. Vol. primo*. Torino, Unione Tipografico-editrice Torinese, 1974. P. 723–845.
- Hausman D. *The Inexact and Separate Science of Economics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 384 p.
- Kagan Y. Are Earthquakes Predictable? *Geophysical Journal International*, 1997, vol. 131, no. 3, pp. 505–525.
- Lorenz E. *The Essence of Chaos*. London, UCL Press, 1995. 235 p.
- Machiavelli N. Il Principe. Available at: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t324.pdf (accessed: 30.11.2018).
- Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research. *Political Analysis*, 2006, vol. 14, no. 3, pp. 227–249.
- McCloskey D. *The Rhetoric of Economics*. Madison, The University of Wisconsin Press, 1998. 248 p.
- McMullin E. Galilean Idealization. *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*, 1985, vol. 16, no. 3, pp. 247–273.
- Mill J. S. *A System of Logic Ratiocinative and Inductive*. Books I–III. Routledge & Kegan Paul, University of Toronto Press, 1974a. 757 p.
- Mill J. S. *Essays on Economics and Society*. Routledge & Kegan Paul, University of Toronto Press, 1974b. 465 p.
- North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney, Cambridge University Press, 1990. 162 p.
- Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2003. 644 p.
- Poincaré H. *Science et méthode*. Paris, Flammarion, 1908. Available at: http://jubilotheque.upmc.fr/fonds-physchim/PC_000305_001/document.pdf?name=PC_000305_001_pdf.pdf (accessed: 30.11.2018).
- Polanyi M. *The Tacit Dimension*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2009. 128 p.
- Price R. The Senses of Virtù in Machiavelli. *European History Quarterly*, 1973, vol. 3, no. 4, pp. 315–345.
- Rehfeld A. Offensive Political Theory. *Perspectives on Politics*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 465–486.
- Rethinking Social Inquiry: Diverse Tools, Shared Standards*. Eds H. Brady, P. Collier. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford, Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2010. 428 p.
- Sugden R. Credible Worlds: The Status of Theoretical Models in Economics. *The Philosophy of Economics: An Anthology*. Ed. by D. Hausman. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 476–509.
- Taagepera R. Science Walks on Two Legs, but Social Sciences Try to Hop on One. *International Political Science Review*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 1–15.
- Taleb N. *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. New York, Random House, 2014. 544 p.
- Tetlock P. *Expert Political Judgment*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2005. 339 p.
- Wimsatt W. *Re-Engineering Philosophy for Limited Beings: Piecewise Approximations to Reality*. Cambridge, London, Cambridge University Press, 2007. 468 p.
- Wolfram S. Cellular Automata as Models of Complexity. *Nature*, 1984, vol. 311, pp. 419–424.

POLITICAL SCIENCE AND THE TAMING OF CONTINGENCY*

Ilya M. Lokshin

National Research University Higher School of Economics,
3, Krivokolenny per., Moscow, 101000, Russia; ilokshin@hse.ru

The paper makes an attempt at inserting (positivistic) political science in a broader epistemological context than it is usually conceived. The implied context is that of the contingency of the human world which was pointed out by Aristotle in “Nicomachean Ethics” when he stated that politics deals more with particulars than with general principles, and more with changeable than stable things. Under the conditions of contingency, finding a foothold for thinking and acting becomes a problem; political science is considered as one of the three “strategies” of dealing with contingency, along with “political creativity” and “political virtù”. Political science as such aims at finding invariants and regularities which govern the social world; “political creativity” is concerned both with designing new invariants which would structure the social world and with making the connection between causes and effects more reliable; finally, “political virtù” is what makes human action less dependent on the invariants, and it can manifest itself in various forms – from the Machiavellian virtù as such to “antifragility”. The choice of the strategy depends on the degree of complexity of the process which has to be dealt with. The paper describes three strategies of taming contingency, proposes a classification of the degrees of complexity of (social and political) processes (elementary, simple, complex and chaotic) and derives some implications from the general argument. These implications entail, among other things, that in the world which political science studies there are no clear-cut boundaries between 1) knowledge and action, 2) scientific knowledge and pragmatically oriented heuristics.

Keywords: political science, contingency, virtù, epistemology of social sciences, heuristics.

Received: December 1, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Lokshin I. M. Political Science and the Taming of Contingency. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 45–58. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.104> (In Russian)

* The study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 17-18-01536 “Knowledge Transfer and Convergence of Methodological Traditions: Experience of Interdisciplinary Integration of Political, Biological and Linguistic”.